

укрепленный замок рыцарю алчному и вороватому. И если этот человек плохо разбирается в доверия, как относиться к тому, кто знает, как, что и кому стоит доверять, кто умеет возвращать и хранить то, что ему доверили?

30. Видели ли вы когда-нибудь рыцаря, который не хотел бы отвоевать свой замок. Видели ли вы когда-нибудь рыцаря, который не пытался бы укрыть свою жену от рыцаря-изменника? Видели ли вы когда-нибудь рыцаря-вора, который воровал бы иначе, чем украдкой? Если же вы таких рыцарей не встречали, так это потому, что их поведение не соответствует установлениям рыцарского ордена.

31. Рыцарь обязан иметь сверкающие доспехи и ухоженного коня; если же забота о доспехах и коне не входит в обязанности рыцаря, то в его обязанности входит и то, что есть, и то, чего нет. Если же это так, то обязанности рыцаря одновременно и существуют и не существуют; в то же время, поскольку быть и не быть суть противоположны, а лишаться брони чуждо рыцарству, то чем бы являлось тогда рыцарство без доспехов и почему бы тогда рыцарь носил это имя?

32. Заповедью нам предписано не лжесвидетельствовать; отсюда следует, что, если бы дающий ложные показания не противоречил рыцарскому ордену, Господь, давший нам заповеди, и рыцарство были бы противоположны друг другу; если же это так, то что есть рыцарская честь и в чем заключаются обязанности рыцаря? Если же есть между Господом и рыцарством соответствие, то лжесвидетельство чуждо природе тех, кто является поборниками рыцарства. Если же давать клятву и божиться и свидетельствовать истину было бы чуждо природе рыцаря, то в чем бы тогда заключалось рыцарство?

33. Если между справедливостью и сластолюбием нет противоречия, то рыцарство, соответствующее справедливости, соответствовало бы и сластолюбию; а если бы между рыцарством и сластолюбием было бы соответствие, то целомудрие, противоположное сластолюбию, оказалось бы чуждым природе рыцарской чести; если бы это было так, получалось бы, что рыцари стремятся восславить рыцарство, дабы утвердить сластолюбие. Если же справедливость и сластолюбие чужды друг другу и рыцарство существует для отстаивания справедливости, то в этом случае между сластолюбивым рыцарем и рыцарством нет ничего общего; если же это так, то грех сластолюбия должен быть неприемлемым для рыцарства; и если бы грех сластолюбия был наказуем так, как он того заслуживает, впавших в него следовало бы изгонять из рыцарского ордена с еще большей непримиримостью, чем из любого другого.

34. Если бы справедливость и смирение были чужды друг другу, рыцарство, которое в ладу со справедливостью, было бы противоположно смирению и соответствовало бы гордыне. Однако если бы спесивый рыцарь отстаивал рыцарские устои, иным рыцарством оказывалось бы то, которое некогда было основано на справедливости и видело свою задачу в защите людей смиренных от спесивых и неправых. Будь это так, новоявленные рыцари не могли бы принадлежать к тому же самому ордену, к которому принадлежали другие, им предшествовавшие. Если бы нынешние рыцари соблюдали установления и выполняли те же обязанности, что и их предшественники, не было бы низости и гордыни в этих рыцарях, которые кажутся нам спесивыми и неправыми. Однако если то, что кажется низостью и гордыней, на самом деле ничто, где же и в чем же тогда смирение и справедливость?

35. Если бы справедливость и миролюбие были бы чужды друг другу, рыцарство, которое в ладу со справедливостью, было бы противоположно миролюбию; если бы это было так, те нынешние рыцари, которые чураются мира и жаждут войн и связанных с ними бедствий, были бы рыцарями, а те, которые умиротворяют людей и избегают бедствий войны, были бы чужды рыцарству. И если те нынешние рыцари, которые творят жестокости и беззакония, сеют зло и связанные с войной бедствия, выполняют обязанности рыцарства, то хотел бы я знать, кем же тогда являются рыцари справедливые и миролюбивые по природе своей, умиротворяющие людей силой закона и силой оружия? Ибо, как и ранее, предназначение рыцарства заключается в том, чтобы умиротворять людей силой оружия; между тем если нынешние воинственные и неправые рыцари не принадлежат рыцарскому ордену и не выполняют его установлений, где же тогда рыцарство, да и сколько тех рыцарей, и каковы эти рыцари, входящие в орден?

36. Многообразны те пути и возможности, следуя которым рыцарь может выполнять возложенные на него рыцарством обязанности; однако ввиду того, что нам еще предстоит о многом поведать, излагаем их здесь в сжатой манере, главным же образом потому, что, выполняя просьбу одного весьма учливого оруженосца, преданного и чистосердечного, посвятившего немало времени изучению рыцарских устоев, мы составили эту книгу в самом кратком виде, ибо и само посвящение в рыцари должно быть весьма недолгим.